

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Рассматривается особая роль Конституционного Суда Российской Федерации в становлении нового уголовно-процессуального законодательства. Высказано мнение, что Конституционный Суд является одним из «соавторов» проекта УПК РФ.

Ключевые слова: Конституционный Суд; судебное обжалование; уголовно-процессуальное законодательство; состязательность; право на защиту.

Наверное, мало кто станет спорить с тем, что до вступления в силу УПК Российской Федерации ни в Советском Союзе, ни в РСФСР не было уголовного суда. Хотя орган, рассматривавший уголовные дела, и назывался судом, на самом деле он был не более чем судебным следователем. Так, именно на суд была возложена обязанность исследования доказательств: именно суд допрашивал обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, оглашал документы, исследовал вещественные доказательства. При опытном, квалифицированном председательствующем прокурору и защитнику, по существу, в советском суде нечего было делать. Именно председательствующий судья проводил судебное следствие, отвечал за его полноту и мог вполне обойтись без участия так называемых сторон. Поскольку суд отвечал за полноту судебного следствия, именно он (а не прокурор) принимал необходимые меры по явке свидетелей в суд, представление вещественных доказательств и т.д. Более того, суд обязан был восполнять пробелы предварительного расследования и, только если не мог этого сделать, направлял дело для производства дополнительного расследования. Впрочем, 50% опротестованных прокурором определений суда о направлении дела на дополнительное расследование отменялись кассационной инстанцией по тому основанию, что суд первой инстанции мог сам восполнить пробелы предварительного расследования, но не сделал этого. Да и само судебное следствие начиналось с того, что не прокурор, а председательствующий оглашал обвинительное заключение. Добавим к этому, что в силу ч. 2 ст. 248 УПК РСФСР суд мог (и обязан был сделать это при наличии его – суда, убеждения в виновности обвиняемого) постановить обвинительный приговор в случае отказа прокурора от обвинения. Не обязательным для суда было изменение прокурором обвинения в сторону улучшения положения обвиняемого. Если же суд приходил к выводу, что объем обвинения следует расширить, либо действия обвиняемого следует переqualифицировать на более тяжкую статью (часть) уголовного закона, суд обязан был направить дело для производства дополнительного расследования. Суд вправе был также возбудить уголовное дело по поводу обвиняемого в отношении подсудимого либо других лиц. Суд мог назначить наказание выше того предела, о котором ходатайствовал прокурор. Поэтому расхожую в то время поговорку «прокурор добавит» следовало бы изменить на «суд добавит».

Все эти положения превращали суд из беспристрастного арбитра между стороной обвинения и защиты в орган уголовного преследования одновременно и разрешающий дело по существу. Ни о каком равенстве

сторон не могло быть и речи в советском суде, равно как и о действии принципа состязательности.

УПК Российской Федерации в корне изменил сложившееся положение, поставив на место розыскного, обвинительного процесса характерный для континентальной Европы смешанный процесс, в котором четко разграничены процессуальные функции, а суд перестал быть органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, а выполняет функцию разрешения уголовного дела, т.е. функцию разрешения спора между сторонами.

При этом следует подчеркнуть особую роль Конституционного Суда Российской Федерации в становлении нового уголовно-процессуального законодательства.

Можно с полной уверенностью сказать, что УПК РФ основывается на положениях, сформулированных ранее в Постановлениях и Определениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Именно в Постановлениях Конституционного Суда сформулированы положения (которые затем вошли в УПК РФ в качестве принципов уголовного судопроизводства) о разделении процессуальных функций, равенстве сторон перед судом и состязательности; обеспечение квалифицированной юридической помощью обвиняемого и подозреваемого (обеспечение права на защиту), а также иных лиц, вовлекаемых в процесс; обеспечение права на обжалование решений, принимаемых в досудебном производстве в суд; а также решений, принимаемых судом первой инстанции во вторую инстанцию, и многие другие.

Как представляется, особую важность, в этой связи, имеют Постановления Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. и 20 апреля 1999 г. В этих Постановлениях указано на то, что состязательность уголовного судопроизводства как конституционный принцип означает, прежде всего, строгое разграничение судебной функции разрешения дела и функции обвинения, которые должны осуществляться разными субъектами. Далее Конституционный Суд подчеркнул, что состязательность в уголовном судопроизводстве предполагает, что возбуждение уголовного преследования (эта позиция Конституционного Суда была предложена в Постановлении от 28 ноября 1996 г.), формулирование обвинения и его поддержание перед судом должны обеспечиваться указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшими. Возложение же на суд обязанности в той или иной форме подменять деятельность этих органов и лиц по осуществлению функции обвинения не согласуется с предписанием ст. 123 (ч. 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия судом. В состязательном про-

цессе суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение дела, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и не может принимать на себя дополнительно выполнение процессуальной функции стороны, представляющей обвинение, т.к. это нарушает конституционный принцип состязательности и приводит к тому, что сторона, осуществляющая защиту, оказывается в худшем положении.

Таким образом, Конституционный Суд впервые сформулировал сущность содержания принципа состязательности, причем неоднократно подтверждая свою позицию по данному вопросу в последующих своих постановлениях.

Именно исходя из изложенных выше положений Конституционного Суда, принцип состязательности был сформулирован затем в УПК РФ (ст. 15).

Из содержания этой статьи (которая, как уже отмечалось, в полной мере соответствует позиции Конституционного Суда) следует, что состязательность в уголовном судопроизводстве означает: 1) отделение друг от друга функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела; 2) суд, не являясь органом уголовного преследования и не выступая на стороне обвинения или защиты, лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав; 3) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (подчеркнуто мною. – Ю.Я.).

Основываясь на позиции Конституционного Суда РФ и положений, закрепленных в УПК РФ, можно, на мой взгляд, сделать вывод о том, что состязательность как принцип уголовного судопроизводства присуща лишь производству в суде и не может считаться принципом досудебного производства.

Состязательность в досудебном производстве реализуется лишь при осуществлении судебного контроля, когда суд, например, рассматривает вопрос о даче согласия на заключение под стражу или рассматривает жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ и т.д. Эти и подобные им вопросы решаются в судебном заседании, как правило, с участием сторон, равных перед судом.

При производстве же следственных действий, например (когда не требуется вмешательство суда) собирании доказательств, стороны вовсе не равны, а суда нет. Состязательность же может быть только там, где есть суд, как участник процесса и стороны равны в процессуальных правах. Авторы, придерживающиеся противоположенного мнения, ссылаются на ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, текст которой гласит, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». При этом не учитывается положения ст. 118 Конституции, из которой следует, что судопроизводство, в том числе и уголовное, понимается в узком смысле: как производство в суде. А значит, ни Конституция РФ, ни Конституционный Суд РФ вовсе не распространяют действие состязательности на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [1. С. 117–118].

Исходя из вышеизложенных позиций о состязательности и равенстве сторон перед судом Конституционный Суд далее в рассматриваемых Постановлени-

ях устанавливает важнейшие положения, которые в полной мере нашли свое воплощение в принятом затем УПК РФ. К числу таких положений следует отнести следующие:

1. Суд не должен наделяться обязанностью или правом возбуждать уголовные дела.

2. Суд не вправе, тем более по собственной инициативе, направлять уголовные дела для производства дополнительного расследования в случае неполноты проведения дознания или предварительного следствия, а также при наличии оснований для замены обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащееся в обвинительном заключении.

3. Отказ государственного обвинителя от обвинения или изменение им обвинения на менее тяжкое обязательны для суда. При этом суд должен учитывать мнение потерпевшего.

Развивая Конституционные положения об обеспечении квалифицированной юридической помощи, Конституционный Суд РФ принял ряд принципиальных Постановлений, положения которых также были восприняты в полной мере законодателем при принятии им УПК РФ.

Так, в Постановлении от 21 июня 1993 г. и от 27 марта 1996 г. Конституционный Суд признал право каждого на самостоятельный выбор им адвоката (защитника), а в Постановлении от 26 января 1997 г. закрепил положение о том, что право на получение квалифицированной юридической помощи может быть обеспечено только участием в качестве защитников лица, обладающего необходимыми профессиональными навыками. Такими лицами являются адвокаты, и именно они, по общему правилу, и должны допускаться к участию в деле в качестве защитников.

Развивая Конституционный принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту Конституционный Суд в Постановлении от 27 июня 2000 г. закрепляет два важных положения:

1. Защитник (адвокат) должен допускаться к участию в деле во всех случаях, когда права и свободы подозреваемого существенно затрагивают или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием.

2. Защитник вправе еще до ознакомления со всеми материалами дела знакомиться с протоколами следственных действий, производимых с участием подзащитного до признания его подозреваемым, и с документами, которые предъявляются либо должны предъявляться подозреваемому или обвиняемому, а также право выписывать из материалов, с которыми защитник был ознакомлен, любые сведения в любом объеме.

В реализации принципа «обеспечения права на защиту» важное место занимает также Постановление Конституционного Суда от 25 октября 2001 г., которым признаются не соответствующими Конституции положения ряда Федеральных законов, ставящих реализацию возможности свиданий обвиняемого (подозреваемого) с адвокатом (защитником) в зависимость от наличия специального разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело.

Очень важным в плане защиты Конституционных прав и не только подозреваемого и обвиняемого, но и

других лиц, вовлекаемых в уголовный процесс, являются Постановления Конституционного Суда от 13 ноября 1995 г., от 29 апреля 1998 г. и от 23 марта 1999 г. В соответствии с ними Конституционный Суд признал необходимость предоставления лицам, конституционные права которых нарушены, возможность судебного обжалования действий и решений органа дознания, следователя или прокурора, связанных с производством обыска, наложением ареста на имущество, постановлением производства по уголовному делу и продлением срока предварительного расследования, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела.

По существу эти Постановления предопределили появление в УПК РФ ст. 125. В дальнейшем Конституционный Суд постоянно расширял перечень постановлений и действий (бездействий) органов досудебного производства, которые могли бы быть обжалованы в суд.

Именно с подачи Конституционного Суда расширился перечень процессуальных актов суда первой инстанции, которые могли бы быть обжалованы в суд второй инстанции.

Еще в 1998 г. (Постановление от 6 июля 1998 г.) Конституционный Суд признал несоответствующими Конституции нормы УПК РСФСР, запрещающие обжаловать в кассационном порядке Приговоры Верховного Суда Российской Федерации, что повлекло внесение соответствующих изменений в действующее тогда законодательство и образование в Верховном Суде кассационной коллегии.

В последующих Постановлениях, в том числе и после принятия УПК РФ (см., например, Постановление Конституционного Суда от 8 декабря 2003 г.; от 6 февраля 2004 г. и др.), Конституционный Суд постоянно расширял перечень постановлений и определений суда первой инстанции, которые можно было бы обжаловать в суд второй инстанции.

Таким образом, роль Конституционного Суда Российской Федерации в становлении нового Российского уголовно-процессуального законодательства трудно переоценить. Можно с полной уверенностью утверждать, что Конституционный Суд является одним из «соавторов» проекта УПК РФ, который и был принят в качестве Закона.

Однако и после вступления в силу УПК РФ Конституционный Суд РФ продолжил принимать меры по его совершенствованию и приведению в соответствие с Конституцией Российской Федерации, при этом нередко подменяя законодателя.

Так, Постановлением от 8 декабря 2003 г. Конституционный Суд фактически лишил государственного обвинителя возможности отказаться от обвинения или изменить обвинение в сторону смягчения в стадии назначения дела к слушанию, а также в стадии судебного разбирательства, вплоть до выступления в прениях.

В Определении Конституционного Суда от 6 февраля 2004 г. содержатся важные положения о недопустимости допрашивать в суде дознавателя и следователя о содержании показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым.

Конституционный Суд по существу расширил основания проведения предварительного слушания.

В Определении от 8 апреля 2004 г. Конституционный Суд указал на необходимость обязательного участия обвиняемого в судебном заседании в тех случаях, когда при назначении дела к слушанию решается вопрос о мере пресечения в виде заключения под стражу. Если же участвует обвиняемый, значит участвует и его защитник. Тогда, в силу принципа состязательности, в судебном заседании должна участвовать и сторона обвинения. А это и будет не чем иным как предварительным слушанием.

С подачи Конституционного Суда (Постановление от 8 декабря 2003 г.) в уголовно-процессуальном законодательстве вновь появился институт (так ругаемый ранее) возвращения из суда уголовных дел для производства дополнительного расследования.

Конституционный Суд явился инициатором (Постановление от 11 мая 2006 г.) изменения ст. 404, 405 УПК РФ, в соответствии с которыми разрешается в течение года обжаловать вступивший в законную силу оправдательный приговор, а также обвинительный приговор по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного.

Конституционный Суд фактически дополнил ч. 2 ст. 29 еще двумя основаниями:

1) производство обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования (Определение Конституционного Суда от 8 ноября 2005 г.);

2) выемка предметов и документов, содержащих аудиторскую тайну (Определение Конституционного Суда от 2 марта 2008 г.).

Можно было бы продолжить указанный выше перечень случаев, когда Конституционный Суд принимает меры по приведению в соответствие с Конституцией России действующее уголовно-процессуальное законодательство, в том числе иницируя его изменения самим законодателем.

Вместе с тем Конституционный Суд все чаще и чаще подменяет законодательство. В нарушение Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ», который наделяет Конституционный Суд полномочиями лишь по признанию не соответствующими Конституции, в том числе и норм федеральных законов, Конституционный Суд сам превращается в самостоятельного законодателя. Практика эта началась ещё тогда, когда действовал УПК РСФСР. Но тогда это объяснялось устарелостью УПК РСФСР в целом и нерасторопностью законодателя. Впрочем, и тогда эти аргументы не выдерживали серьёзной критики. Сейчас же, в условиях, когда действует новый УПК РФ, подобная практика Конституционного Суда, на мой взгляд, недопустима.

Законотворческая деятельность Конституционного Суда РФ прямо противоречит Конституции Российской Федерации, в частности ее статье, в соответствии с которой «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную».

Гл. 5 Конституции РФ относит принятие законов к исключительной компетенции Федерального Собрания – Парламента Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 79) «в случае, если решением Конституционно-

го Суда Российской Федерации нормативный акт признан не соответствующим Конституции Российской Федерации полностью или частично либо из решения Конституционного Суда Российской Федерации вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании, государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный акт, рассматривают вопрос о принятии нового нормативного акта, который должен, в частности, содержать положения об отмене нормативного акта, признанного не соответствующим Конституции Российской Федерации полностью, либо о внесении необходимых изменений и (или) дополнений в нормативный акт, признанный неконституционным в отдельной его части. До принятия нового нормативного акта непосредственно применяется Конституция Российской Федерации».

Таким образом, ни в Конституции, ни в законе о Конституционном Суде не предусмотрено права Конституционного Суда самому изменять или принимать конкретные нормы федеральных законов, в том числе и нормы УПК РФ.

Право Конституционного Суда – признать не соответствующей Конституции конкретную норму УПК, но не заменять ее новой. Если Конституционный Суд признает не соответствующими Конституции конкретные нормы УПК РФ и считает необходимым изложить их в определенной редакции, то в этом случае он не сам изменяет закон так, как ему представляется необходимым, а должен воспользоваться правом законодательной инициативы, предоставляемым ему ч. 1 ст. 105 Конституции РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якимович Ю.К.* Является ли состязательность принципом современного уголовного процесса России? // Уголовно-процессуальное право: Понятие, содержание, источники: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Д.С. Карева. М., 2006.

Статья представлена научной редакцией «Право» 12 февраля 20010 г.